

В.И. Пичет, А.К. Дживилегов, С.П. Мельгунов

**Отечественная война и русское общество
1812-1912. Том 4**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Пичет**
Отечественная война и русское общество: 1812-1912. Том 4 / В.И. Пичет, А.К. Дживилегов, С.П. Мельгунов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 324 с.

ISBN 978-5-458-13696-9

Отечественная война и русское общество (1812-1912). Том 4. Юбилейное издание. В данном и следующем томах сосредоточено описание наиболее горячих месяцев Отечественной войны 1812 года. Том 4 содержит второй и третий периоды Войны, а также раздел "Москва при французах".

ISBN 978-5-458-13696-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

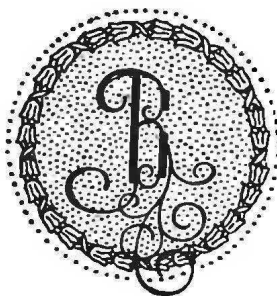

М. И. Кутузовъ.

== ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ ВОЙНЫ. ==

І. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

С. А. Князькова.

льчное отступленіе отъ Нѣмана и Вильны до Смоленска и дальше раздражало войско, и отъ Смоленска наша армія отходила въ очень удрученномъ состояніи. Что мы побѣждены и разбиты — этого ощущенія не было: напротивъ, многія отдѣльныя столкновенія съ французами заканчивались счастливо для насъ, но такъ какъ основой нашего движенія было отступленіе передъ превосходными силами непріятеля, то мы неизмѣнно одинаково «пятились» и послѣ удачныхъ столкновений, какъ послѣ неудачныхъ. До Смоленска необходимость отступления объяснялась для солдатъ и офицеровъ тѣмъ, что разобщенныя наши 1-ая и 2-ая арміи идутъ на соединеніе другъ съ другомъ. Послѣ Смо-

ленска, когда это соединеніе совершилось, и все же объ наши арміи послѣ неудачной попытки перейти въ наступленіе, выдержавъ кровопролитный бой подъ Смоленскомъ, снова отступили, въ арміи громко заговорили о неспособности Барклая.

Отступление отъ Смоленска и вообще происходило въ очень тяжелыхъ условіяхъ. Походъ по отвратительнымъ дорогамъ, по которымъ часто едва-едва могла пробраться крестьянская телѣга, по холмистой и полной оврагами мѣстности, обильной еще вдобавокъ мелкими рѣчками и ручьями, на которыхъ еле держались мосты, часто разрушавшіеся подъ тяжестью орудій и обозовъ,—такой походъ и самъ по себѣ могъ только раздражать солдатъ, а видъ въ данномъ случаѣ армія, кромѣ всѣхъ указанныхъ невзгодъ, отступала и отступала по направленію къ Москвѣ, а по пятамъ, преслѣдуя насъ, шелъ торжествующій непріятель, съ которымъ уже не пытались сколько-нибудь серьезно схватиться послѣ Валутиной. «Войска шли тихо, въ молчаніи, съ растерзаннымъ и озлобленнымъ сердцемъ», рассказываетъ современникъ. Въ обществѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ тоже всѣ были недовольны Барклаемъ. «Вездѣ, куда достигали извѣстія изъ арміи, немногіе лишь постигали цѣль отступления: всѣ же прочіе, видя только его послѣдствія, опустошеніе страны, пожары дѣвствующихъ городовъ и селъ, грабежи и убійства, жаждали рѣшительнаго боя, долженствовавшаго, по ихъ мнѣнію, положить преграду дерзкому нашествію». «Вся Россія, — продолжаетъ историкъ войны 12 года, — оскорбленная вражескимъ нашествіемъ, небывалымъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія, не вѣрила, чтобы такое событіе было возможно безъ измѣны или, по крайней мѣрѣ, безъ непростительныхъ ошибокъ главнаго вождя». Необходимость назначенія общаго надъ всѣми арміями главнокомандующаго становилась все болѣе очевидной. Въ арміи и въ обществѣ всѣ единогласно называли имя одного человѣка, который, по общему мнѣнію, только одинъ былъ способенъ поправить дѣло и направить его къ благополучному исходу. Всѣ называли, какъ желательнаго главнокомандующаго, стараго екатерининскаго генерала Михаила Иларіоновича Кутузова, только что со славой закончившаго войну съ турками. «Въ Петербургѣ народъ, — рассказываетъ Михайловскій-Данилевскій, — слѣдилъ за каждымъ шагомъ Кутузова, каждое его слово передавалось приверженными ему людьми и дѣлалось извѣстно; въ театрахъ, когда произносились драгоцѣнные для русскихъ имена Дмитрія Донскаго и Пожарскаго, взоры всѣхъ были обращены на Кутузова». Самъ онъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, не уклонялся отъ участія въ общественныхъ собраніяхъ, навѣщалъ вліятельныхъ лицъ и даже, какъ говорили тогда, старался заслужить благосклонность М. А. Нарышкиной, близкой къ государю особы. Александръ Павловичъ потомъ самъ писалъ своей сестрѣ, что въ Петербургѣ только о томъ и говорятъ, что главнокомандующимъ слѣдуетъ быть Кутузову, и что Ростопчинъ пишетъ изъ Москвы, что и вся Москва желаетъ видѣть во главѣ арміи Кутузова, а Барклая и Багратіона считаетъ просто неспособными для такого отвѣтственнаго поста. С.-петербургское и московское дворянство почти одновременно выбрало М. И. Кутузова начальникомъ мѣстныхъ ополченій. Рѣшеніе вопроса, кому быть главнокомандующимъ, императоръ Александръ поручилъ чрезвычайному комитету, состоявшему

изъ гр. Салтыкова, генерала Вязмитинова, гр. Аракчеева, генерала Балашова, кн. Лопухина и гр. Кочубея. Въ засѣданіи 5 августа комитетъ единогласно постановилъ, что главное начальство надъ всей русской вооруженной силой должно быть вручено генералу-отъ-инфантеріи гр. М. И. Кутузову. 29 іюля Кутузовъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлости.

Михаиль Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ родился въ 1745 г. и въ данное время ему шелъ 78 годъ. За свою долгую жизнь М. И. Кутузовъ прошелъ хорошую военную школу подъ руководствомъ самого Суворова. Онъ былъ умный, способный, широко по тому времени образованный человекъ, за долгую жизнь, прожитую не даромъ, хорошо постигшій и людей и тѣ сферы военной, свѣтской дипломатической дѣятельности, гдѣ ему приходилось вращаться и гдѣ онъ всегда былъ и выступалъ замѣтной величиной. Человекъ придворный и свѣтскій, Кутузовъ глубоко постигъ одно изъ правилъ этой жизни, гласившее, что языкъ данъ человеку затѣмъ, чтобы скрывать свои мысли. Обходительный и ловкій, онъ умѣлъ сдѣлать себя необходимымъ при дворѣ Екатерины такъ же, какъ и при дворѣ императора Павла. Императрица Екатерина очень отличала Кутузова и всегда говорила о немъ съ похвалой, называя его «мой Кутузовъ», а императоръ Павелъ, какъ говорятъ, прочилъ Кутузова на должность с.-петербургскаго военнаго губернатора, когда колебался въ своемъ довѣріи къ Палену. «Куртизанъ», «придворный человекъ», «вездѣ уживется», говорили про Кутузова тѣ, кто ему завидовалъ. И тутъ было кое-что справедливаго.

Кн. М. И. Кутузовъ (грав. Кардели).

Всегда себѣ на умъ, съ хитрецей истаго великорусса, Кутузовъ привыкъ въ своихъ поступкахъ больше дѣйствовать ухваткой и руководиться вдумчивымъ расчетомъ, нежели дѣйствовать на проломъ и рисковать; только это его вѣчное «себѣ на умъ» не было хитрецей мелкаго человека, вытекающей изъ извѣстной трусости: Кутузовъ былъ самъ по себѣ слишкомъ уменъ и крупенъ, слишкомъ хорошо зналъ себѣ цѣну, чтобы быть боязливымъ и трусливымъ въ сношеніяхъ съ людьми, но люди были для него только средствомъ въ достиженіи поставленныхъ имъ себѣ цѣлей личнаго благополучія и возвышенія, поэтому онъ не стѣснялся быть какъ бы двуличнымъ, когда ему это было нужно, хотя въ этой своей всегдашней готовности схитрить онъ все же никогда не переступалъ той границы, когда извѣстнаго рода хитрость можетъ привести человека къ поступкамъ мелкимъ и безнравственнымъ. Онъ былъ просто типичный человекъ XVIII вѣка, который съ легкой проницательностью и насмѣшкой скользилъ надъ общими вопросами морали, не очень задумываясь слукавить и обмануть, когда это

ему было полезно и выгодно, наблюдая только одно, чтобы эта готовность поступить не совсемъ согласно съ правилами морали никогда не нарушала то «благородство», которое истый человѣкъ XVIII вѣка считалъ основой житейской порядочности. Исключительный умъ спасалъ Кутузова отъ поступковъ рискованныхъ, могущихъ, какъ говорили въ XVIII вѣкъ, «опельмовать» человѣка. Довѣрившись Кутузову, на него можно было положиться; сдѣлавшись его врагомъ, отъ него надо было ждать борьбы, въ которой онъ допускалъ всѣ пріемы—какъ терпимые, такъ и нетерпимые житейской моралью. Человѣкъ ума холоднаго, расчетливаго, умѣющій выжидать и не торопиться, Кутузовъ привыкъ дѣйствовать вдумчиво, осторожно; время и обстоятельства, хитрое и умное пользованіе ими, знаніе людей и искусство управляться съ ними,—все это Кутузовъ примѣнилъ и къ тому дѣлу, которому посвятилъ жизнь, т.-е. къ военному. Изъ него выработался полководецъ умѣлый, знающій свое дѣло, осторожный, но въ осторожности храбрый, не теряющій присутствія духа и спокойствія въ самыя критическія минуты. Зрѣло обдумывалъ онъ каждое свое предпріятіе и, подчиняя строгому, но широкому расчету каждый свой шагъ, онъ умѣлъ достигать тѣхъ цѣлей, которыя себѣ ставилъ, не приближая момента ихъ осуществленія поступками, которые заключали въ себѣ начало риска. На войнѣ онъ предпочиталъ дѣйствовать искусно построенными передвиженіями, утомляя противника безконечными маневрами, сбивая его съ толку, выводя изъ себя. Выжиданіе онъ всегда предпочиталъ рѣшительнымъ эффектнымъ сраженіямъ, въ которыхъ если и бьютъ врага, то теряютъ много и своей силы. «Хитеръ, хитеръ! уменъ, уменъ! Его никто не обманетъ!» говорилъ про Кутузова Суворовъ и поручалъ ему предпріятія, гдѣ нужно было выждать, прежде чѣмъ нанести рѣшительный ударъ. Но когда дѣло созрѣвало, Кутузовъ билъ навѣрняка. Обладая большой личной невозмутимой храбростью, онъ шелъ тогда впереди всѣхъ. За это ему пришлось два раза жестоко поплатиться: одна турецкая пуля ударила его въ високъ и задѣла глазъ, такъ что онъ сталъ потерянтъ, а другая, попавъ въ щеку, пронизала ему шею.

«Неужели, дядюшка, вы думаете разбить Наполеона?» неосторожно спросилъ старика его племянникъ передъ самымъ отъѣздомъ стараго генерала къ арміи. «Разбить? нѣтъ,—просто отвѣчалъ Кутузовъ,—но обмануть—да, разсчитываю!» Конечно, Кутузовъ не былъ полководцемъ, равнымъ Наполеону, этому поэту и первостепенному художнику-мастеру войны, но Кутузовъ, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо зналъ и понималъ практику военнаго дѣла, какъ и его гениальный противникъ. И этимъ онъ былъ ему особенно опасенъ. «Изъ всѣхъ генераловъ, современниковъ Наполеона, развѣ только двое во главѣ армій были достойны помѣриться съ Наполеономъ—это эрцгерцогъ Карлъ (австрійскій) да Веллингтонъ (англійскій генералъ), но осторожный и хитрый Кутузовъ былъ, однако, его самымъ опаснымъ противникомъ», говоритъ одинъ иностранный военный писатель.

Для данной минуты, когда намъ поневолю приходилось отступать, медлительная осторожность Кутузова, въ котораго вѣрило войско, была какъ разъ у мѣста. Но потомъ эта осторожность стараго вождя въ соединеніи съ нѣкоторой старческой неподвижностью, бользненностью и уста-

лостью сказалась для успѣховъ нашей арміи и съ отрицательной своей стороны: привыкнувъ дѣйствовать съ оглядкой, Кутузовъ часто при отступленіи Наполеона во время преслѣдованія его нашими войсками не находилъ у себя достаточно силъ и рѣшительности для того, чтобы разомъ покончить съ разстроенной французской арміей, и пропустилъ не одинъ удобный къ тому случай, хотя надо сказать, что тутъ вина не всегда была исключительно на его сторонѣ.

Императоръ Александръ Павловичъ не любилъ Кутузова и не довѣрялъ ни его военнымъ способностямъ, ни личнымъ свойствамъ, такъ какъ зналъ, что Кутузовъ не признавалъ его военныхъ талантовъ, которыми Александру Павловичу такъ хотѣлось обладать. Человѣкъ екатерининской эпохи и суворовской выучки, Кутузовъ былъ противъ павловской муштры войскъ на прусскій образецъ и рѣзко осуждалъ всякую парадоманію, все то, что такъ по гатчинскимъ воспоминаніямъ любилъ императоръ Александръ. Расходились оба — царь и

„Ген.-фельдм. кн. Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, принимающій главное начальствованіе въ авг. 1812 г.“ 1).

1) Орлы, парившіе наканунѣ Бородинской битвы надъ головой Кутузова, много занимали вниманіе современниковъ. Нѣкоторые считали это миеомъ. Къ такимъ относится Ростопчинъ: «по Москвѣ распространился слухъ, что во время осмотра войскъ два орла постоянно парили надъ головой Кутузова, но когда оказалось, что онъ все приближается къ Москвѣ, подобно своему предмѣстнику, то выдумка объ орлахъ была отброшена» («Р. Ст.», 1889, XII, 695). Были и такіе очевидцы, которые заподозрили здѣсь «продѣлку» — орелъ былъ выпущенъ изъ заранѣе приготовленнаго мѣшка: это ободрило многихъ молодыхъ людей (Записки ген. Ковальскаго, «Рус. Вѣст.», 1871, I, 94). Орла видѣли Ф. Н. Глинка («Очерки Бородинскаго сраженія», ч. I, 39), Н. Н. Муравьевъ («Р. Арх.» 1881, X, 251) и др. Левенштернъ видѣлъ орла надъ головой Кутузова 5 октября («Р. Ст.», 1901, I, 116), а Муравьевъ слышалъ, что орелъ сопутствовалъ все время церемоніи провода тѣла умершаго Кутузова въ Петербургъ. Историки Отечественной

главнокомандующій даже въ такомъ основномъ вопросѣ, какъ отношеніе къ Наполеону. Въ то время, какъ императоръ Александръ все чаще повторялъ: «Или Наполеонъ или я!» и хотѣлъ полной гибели «корсиканца», Кутузовъ очень сомнѣвался, будетъ ли такъ ужъ выгодно для Россіи рѣшительная гибель Наполеона, полагая, что этой гибелью воспользуются для своей пользы и вовсе не для нашей англичане, австрійцы, пруссаки. Будущее показало, кто былъ болѣе правъ.

Итакъ, Кутузова назначилъ главнокомандующимъ императоръ Александръ вопреки своему желанію. Но выбирать было не изъ кого: Кутузовъ былъ единственнымъ человѣкомъ, относительно военныхъ дарованій котораго ни у кого не было сомнѣнія, и именно его хотѣли видѣть во главѣ арміи всѣ, потому что всѣ въ него вѣрили, какъ въ единственнаго человѣка, который способенъ выручить и войско и отечество въ такую трудную минуту. Императоръ Александръ уполномочилъ Кутузова дѣйствовать въ качествѣ главнокомандующаго во всемъ по его, Кутузова, усмотрѣнію и разумнѣю, какъ Кутузовъ и просилъ. Одно только императоръ Александръ строжайше запретилъ Кутузову—вступать въ какіе-либо переговоры съ Наполеономъ. Кутузовъ со своей стороны вѣрноподданнически просилъ императора довѣриться во всемъ дѣлу веденія военныхъ операцій ему, Кутузову, и отказаться отъ личнаго присутствія въ арміи. Императоръ согласился на это. Въ день отъѣзда Кутузова къ арміи, императоръ Александръ сказалъ: «Публика желала назначенія его, я назначилъ его: что касается меня лично, то я умываю руки». Въ письмѣ къ своей сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ императоръ Александръ еще рѣзче подчеркнул, что назначилъ Кутузова вопреки своему убѣжденію.

Прощаясь съ государемъ, Кутузовъ увѣрялъ его, что скорѣе ляжетъ костьми, чѣмъ допустить непріятеля къ Москвѣ. Пока Смоленскъ былъ въ нашихъ рукахъ, Кутузовъ могъ искренно давать это обѣщаніе. Но на первой станціи по пути изъ Петербурга къ арміи Кутузовъ узналъ, что Смоленскъ оставленъ нами. «Ключи къ Москвѣ потеряны», грустно сказалъ старый полководецъ, когда прочелъ донесеніе о занятіи Наполеономъ Смоленска. Но эти слова, какъ и обѣщаніе лечь костьми, вовсе не означали, что Кутузовъ рѣзко осуждалъ дѣйствія Барклая и готовился круто измѣнить систему дѣйствія противъ Наполеона. Въ кругу близкихъ онъ до отъѣзда изъ Петербурга говорилъ: «До сихъ поръ мы все отступали, но, быть-можетъ, такъ и было нужно». Общее желаніе наступленія онъ поддерживалъ въ то же время молчаливой улыбкой согласія и даже официальными возгласами, что надо «лечь костьми». Истинныя свои намѣренія старикъ держалъ про себя, убѣжденный, что на его отступление, конечно, и народъ, и войско, и общество посмотрятъ иначе, нежели на отступление Барклая.

войны дѣлали глубокомысленныя заключенія по поводу факта, запечатлѣннаго на приведенной картинѣ. Отвѣтъ очень простъ: «Кутузовъ,—какъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Д. Н. Свербеевъ,—умѣлъ изобрѣсти и воспользоваться всѣми средствами къ поддержанію духа въ арміи: онъ велѣлъ обносить по всѣмъ полкамъ вывезенную изъ Смоленска икону Божіей Матери и въ каждой дивизіи отправлять торжественное предъ ней молебствіе. Онъ, если не измыслилъ самъ, то, по крайней мѣрѣ, допустилъ напечатать въ извѣстіи о первомъ появленіи его въ рядахъ войска, что какой-то залетѣвшій очень кстати въ необычайную для него сторону орелъ парилъ надъ головой новаго главнокомандующаго» (Записки, I, 429).

Ред.

Къ арміи Кутузовъ прибылъ 17 августа и засталъ войска въ полномъ отступленіи къ Москвѣ. Объявляя армію и здороваясь съ солдатами, Кутузовъ нѣсколько разъ сказалъ: «Ну, какъ можно съ такими молодцами все отступать и отступать!» Войска съ восторгомъ привѣтствовали стараго вождя. Настроеніе сразу повысилось, всѣ пріободрились и хотѣли только одного—рѣшительнаго боя съ французами. Унаследовавъ отъ Суворова его удивительное умѣнье обращаться съ солдатами дружески-просто, Кутузовъ говорилъ съ ними на понятномъ народу языкѣ и поддерживалъ увѣренность, что Москвы не дадимъ французу. Врагъ всякой пышности и показного параднаго блеска, Кутузовъ появлялся передъ войсками на маленькой казачьей лошаdkѣ, въ старомъ походномъ сюртукѣ, безъ эполетъ, въ бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо и съ нагайкой на ремнѣ черезъ другое. Эта внѣшность, напоминая суворовскую манеру, только поддерживала тотъ неподдѣльный энтузіазмъ, съ которымъ армія привѣтствовала назначеніе Кутузова. Врагъ всякихъ формальностей и шагистики, Кутузовъ узаконилъ своимъ распоряженіемъ всѣ многочисленныя и неизбѣжныя въ походѣ отступленія отъ тогдашней очень сложной формы и этимъ очень облегчилъ солдатскую походную тяжесть. Канцелярія при немъ сократилась до необходимыхъ размѣровъ; чтобы отучить отъ лишней переписки своихъ подчиненныхъ и тѣмъ косвенно заставить ихъ поступать въ критическія минуты по собственному усмотрѣнію, Кутузовъ просто сталъ задерживаться въ подпискѣ безконечныхъ бумагъ, притворяясь старчески-лѣнливымъ, забывчивымъ. Въ результатѣ генералы и офицеры сразу почувствовали, что главнокомандующій имъ довѣряетъ и имъ вѣритъ. Недовольны остались только любители канцелярской отписки и волокиты. Среди солдатъ пошла поговорка: «пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ». Отступленіе ко дню пріѣзда Кутузова къ арміи какъ-то само собой пріостановилось. Главная квартира нашихъ войскъ находилась въ этотъ моментъ въ селѣ Царево-Займище подъ Гжатскомъ. Осмотрѣвъ вмѣстѣ съ Барклаемъ расположеніе нашихъ войскъ и ознакомившись съ мѣстностью, Кутузовъ нашелъ все превосходнымъ и удобнымъ для того, чтобы дать французамъ рѣшительное сраженіе. Силы нашей арміи доходили до 110 тысячъ человекъ. Всѣ думали, что на завтра предстоитъ бой, и войска готовились. Но на слѣдующій день, 19 августа, вдругъ неожиданно для всѣхъ послѣдовалъ приказъ—отступать. Въ донесеніи своемъ государю Кутузовъ объяснялъ свое отступленіе отъ Царева-Займища необходимостью принять на себя и распределить по полкамъ, сильно порѣдѣвшимъ во время боевъ на пути отъ Смоленска, подкрѣпленія, которыя двигались къ нашей арміи отъ Москвы. Кромѣ этого, ему, вѣроятно, нужно было нѣкоторое время, чтобы осмотрѣться и войти въ подробности, лучше узнать войска и особенно своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Осторожный Кутузовъ оставался вѣренъ себѣ и не хотѣлъ рисковать. Снова началось отступленіе; но войска шли въ другомъ настроеніи: ясно было, что Москвы безъ боя не отдадутъ, и что старикъ Кутузовъ хочетъ только выбрать мѣсто, болѣе удобное для битвы, да подтянуть къ себѣ подкрѣпленія. 22 августа наша армія расположилась на позиціяхъ у Бородина.

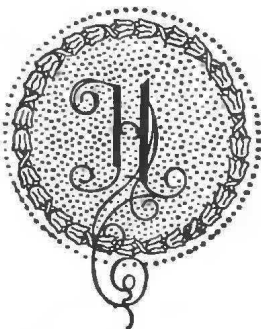
С. Князьковъ.

М. И. Кутузовъ, князь Смоленскій (М. Орловъ. 1888 г.).

II. Отъ Царево-Займища до Бородина.

Подп. В. Г. Федорова.

Настоящее описаніе имѣетъ цѣлью пополнить пробѣлы въ исторіи Отечественной войны за періодъ времени съ 17 по 24 августа, т.-е. за тотъ періодъ, когда, при отступленіи нашихъ 1-й и 2-й западныхъ армій къ Бородину, арьергардамъ этихъ армій приходилось вести непрерывные бои съ непріятелемъ. Эти забытыя военною исторіей сраженія сдѣлались въ настоящее время всеобщимъ достояніемъ благодаря архивнымъ изысканіямъ полковника Н. П. Поликарпова.

17 августа.

По прибытіи къ арміи въ с. Царево-Займище, князь Кутузовъ приказалъ для 1 и 2 армій составить одинъ «общій аріергардъ» подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Коновницына, но этому аріергарду именно и не суждено было сдѣлаться «общимъ» по той причинѣ, что французскій авангардъ наступалъ тремя параллельными колоннами. Необходимость, слѣдовательно, заставила и нашъ аріергардъ раздѣлиться на три отряда, хотя и имѣвшихъ между собою связь, но дѣйствовавшихъ вполне самостоятельно. Изъ «общаго аріергарда», такимъ образомъ составились: «центральный аріергардъ» генераль-лейтенанта Коновницына; правый (сѣверный) отрядъ генераль-майора барона Крейца и лѣвый (южный) отрядъ генераль-майора графа Сиверса. Въ с. Царевъ-Займищѣ главнокоман-

дующій убѣдился въ невозможности принять сраженіе по невыгодности позиціи и отдалъ приказъ арміямъ отступать по дорогѣ къ Гжатску.

Еще 17 августа арьергарду Коновницына подѣ натискомъ Мюрата пришлось отступить къ с. Цареву-Займищу и насѣсть, такимъ образомъ, на главныя силы армій. Это обстоятельство отчасти и было косвенной причиной поспѣшнаго отступленія князя Кутузова къ Гжатску.

Отрядъ генерала графа Сиверса въ этотъ день никакихъ особенныхъ дѣлъ съ непріателемъ не имѣлъ, и къ 6½ часамъ пополудни остановился въ селѣ Успенскомъ (въ 12 верстахъ отъ с. Царева-Займища). Такъ какъ дальнѣйшихъ инструкцій отъ генерала-лейтенанта Коновницына въ его отрядъ не было получено, то графъ Сиверсъ рѣшилъ, «по мѣрѣ его отступленія, производить и свое отступленіе».

О дѣйствіяхъ отряда барона Крейца за 17 августа извѣстно лишь, что онъ имѣлъ дѣло съ непріателемъ подѣ Вязмою, «гдѣ удерживалъ лѣвый флангъ большого арьергарда».

18 августа.

18 августа главныя силы арміи начали отступать отъ с. Царева-Займища поспѣшно и налегкѣ; притомъ настолько налегкѣ, что при полкахъ было оставлено всего лишь по два патронныхъ ящика; даже лазаретныя линейки были отправлены съ прочими обозами окружными проселочными дорогами, чтобы не задержать отступленія войскъ. Князь Кутузовъ 18 августа находился уже не въ Царевѣ - Займищѣ, а въ мѣстечкѣ «Старая Деревня» и оттуда послалъ князю Багратиону слѣдующее собственноручное сообщеніе. «По объясненію со мною Михаила Богдановича, что кавалерія 1 арміи за употребленіемъ оной чрезъ долгое время въ авангардѣ вмѣсто казацкихъ полковъ, при оной не состоящихъ, ослабѣла до того, что на нѣкоторое время нужно отдохновеніе и, слѣдственно, замѣненіе оной другою кавалеріею, я посему обращаюсь къ вашему сіятельству съ тѣмъ, чтобы вы, милостивый государь мой, приказали завтрашняго числа въ помощь арьергарду 1 арміи въ приличномъ мѣстѣ выставить 15 эскадроновъ».

Кн. Кутузовъ Смоленскій, гр. Витгенштейнъ,
гр. Платовъ (К. Анисимовъ).

И 1 и 2 армии, начавъ отступление по большой Московско-Смоленской дорогѣ, пройдя г. Гжатскъ, остановились бивакомъ при д. Ивашковѣ. Конница Мюрата, корпуса Даву и князя Понятовскаго перешли въ наступленіе, вслѣдствіе чего аррьергарду генераль-лейтенанта Коновницына, отступавшему вслѣдъ за арміей по той же дорогѣ, приходилось часто останавливаться для задержанія наседавшаго непріятеля. Это поставило его въ весьма опасное положеніе, такъ какъ частыя остановки все болѣе и болѣе отдаляли его отъ главныхъ силъ, уменьшая возможность своевременнаго полученія подкрѣплений. Въ поддержку генераль-лейтенанту Коновницыну графомъ Сиверсомъ, по приказанію князя Багратіона, были посланы: Черниговскій и Харьковскій драгунскіе полки и Литовскій уланскій подъ командой генераль-майора Панчулидзева I, то-есть тѣ самыя 15 эскадроновъ, о которыхъ главнокомандующій наканунѣ писалъ князю Багратіону.

Первая встрѣча аррьергарда генераль-лейтенанта Коновницына за 19 августа произошла при самомъ Царевѣ-Займищѣ. Счастливому исходу этой встрѣчи помогли лишь храбрость, хладнокровіе и находчивость піонеровъ 1 полка: Никифора Поносова, Онуфрія Тимашенко и Никиты Яковлева I. Эти піонеры, «оставаясь послѣдними въ аррьергардѣ, вызвались охотниками при быстромъ наступленіи непріятеля подѣ сильными выстрѣлами, съ особеннымъ мужествомъ и неустрашимостью, уговоривъ товарищей, съ быстротою и скоростью важгли мостъ, опустили плотину, чѣмъ наводнили рѣку, а по окружающему непріятельскій берегъ рѣки болоту оставалась одна дорога чрезъ деревню, которую зажгли, остановили тѣмъ непріятельскую артиллерію и спасли черезъ то нашихъ ретирующихся егерей, которыхъ непріятель намѣревался отрѣзать».

Часть французскаго авангарда пыталась обойти правый флангъ аррьергарда генераль-лейтенанта Коновницына, но отрядъ барона Крейца «не допустилъ непріятеля обойти нашъ правый флангъ». Мюратъ и Даву напирала такъ сильно, что аррьергарду генераль-лейтенанта Коновницына пришлось отходить, отбиваясь чуть ни на каждомъ шагѣ и лишь къ вечеру усталый, изнемогающій аррьергардъ расположился на позицію при деревнѣ Комкольнѣ¹⁾. Часть французскаго авангарда остановилась противъ позиціи генераль-лейтенанта Коновницына, а «довольно сильный непріятель принялъ вправо», т.-е. къ отряду графа Сиверса.

Параллельно съ аррьергардомъ генераль-лейтенанта Коновницына отступалъ и отрядъ графа Сиверса, который, руководствуясь приказаніемъ князя Багратіона, «предпринималъ маршъ съ ввѣреннымъ ему аррьергардомъ разными колоннами, которыя одна за другою выступали». Это осторожное движеніе отряда графа Сиверса имѣло цѣлью не оставлять неприкрытымъ лѣвый флангъ аррьергарда генераль-лейтенанта Коновницына. Отрядъ безпрепятственно достигъ до назначеннаго ему мѣста, с. Рожества, откуда графъ Сиверсъ донесъ князю Багратіону: «По окончаніи наступательнаго непріятельскаго движенія на аррьергардъ 1 армии, замѣчено, что непріятель,

¹⁾ Современная деревня „Калатонинника“ въ 10 верстахъ отъ г. Гжатска.